

Г. М. ПРОХОРОВ

Иоани Кантакузин. Диалог с иудеем. Славянский XIV в. и современный переводы

Слово первое

Византийский государственный деятель, в 1347—1354 гг. император, затем, в монашестве, писатель, историк и публицист, Иоани VI Кантакузин¹ (в иноческом чину Иоасаф) (ок. 1295—1383) имеет прямое и важное отношение к истории Руси как политик. Едва придя после длительной гражданской войны (1341—1347 гг.) к власти в Константинополе, он стал добиваться объединения расколотых Ордой, Литвой и Польшей русских земель вокруг Москвы, о чем свидетельствует ряд его грамот русским князьям и русскому митрополиту Феогносту.² Этой его политике верно следовали константинопольский патриарх Филофей Коккин, тоже активно занимавшийся русскими делами (1354—1355, 1364—1376 гг.), и митрополит Киевский и всея Руси Киприан (1375—1406 гг.).³ Кантакузин мечтал о сплочении перед лицом турецкой угрозы всех православных стран и о сближении их также с западным христианским миром, об унии православной и римско-католической церквей, но только — на основе единства в вере и взаимоуважения.⁴

Как политик Кантакузин очень со многим не справился: он не смог завершить отвоевание у латинян остатков Латинской империи в Греции и на островах — православной реконквисты, не смог преодолеть междоусобной борьбы в самой Византии, оказался не в силах воспрепятствовать завоеванию турками-османами Малой Азии и вторжению их в Европу. И тем не менее он являет собой одну из наиболее значительных исторически и по-человечески ярких фигур поздней Византии. В отличие от правивших до и после него императоров из династии Палеологов, делавших безнадежные попытки найти помощь гибнущей стране на католическом Западе, он сделал — не менее, как мы знаем, безнадежную — попытку найти ей помощь или опору в самом православном мире. Он поддерживал традиционные силы в византийской культуре, и благодаря этой его поддержке, во многом благодаря ей, в Восточной Европе произошло то, что, мне кажется, можно назвать Православным возрождением.⁵

¹ См.: Weiss G. Joannes Kantakuzenos — Aristokrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden, 1969.

² См.: РИБ. СПб., 1880. Т. 6. Приложения. № 3—6; Meyendorff J. Byzantium and the Rise of Byzantino-Russian relations in the fourteenth Century. Cambridge, 1981. P. 155—158.

³ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе: Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978.

⁴ См.: Прохоров Г. М. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. // ВВ. М., 1968. Т. 29. С. 318—341.

⁵ См.: Прохоров Г. М. Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 4—17.

Сменив в 1355 г. императорское облачение на монашеское, Кантакузин направил свою недюжинную энергию главным образом на литературные труды. Монахом он прожил около тридцати лет. Наиболее творчески активен он был в 1360—1370-х гг. В это время (не позже 1369 г.) он завершил свои знаменитые (по до сих пор не переведенные на русский язык!) мемуары и написал целый ряд полемических работ.⁶ По словам патриарха Филофея, хорошо его знавшего, Кантакузин был «готов научить догматам всякого желающего научиться и побеседовать с ним».⁷ Филофей, очевидно, имеет в виду то, что лежит в основе диалогов Кантакузина: тот оформлял как литературные произведения свои беседы с «инакомыслящими» и «инаковерующими» и, вручая переписчикам, выпускал в свет. Благодаря такой своей общественной деятельности и литературной активности он, несомненно, возымел значительное влияние на умы; видимо, его читали; в 1367 г. папский легат Павел, прибывший в Константинополь, уподобил его «вертелу, на котором все, как куски мяса, висят», так что достаточно, дескать, ему сдвинуться (со своей независимой по отношению к Западу позиции), чтобы все повернулось.⁸ Схожим образом характеризует его другой его современник, латинский архиепископ Фив (с 1366 г.) Симон Атуmano. Он посвятил ему ямбические стихи, в которых хвала сочетается с точностью портретной зарисовки, причем акцент делается как раз на том, что добрым и умным словом Кантакузин одерживает теперь не меньше побед, чем прежде оружием. Свой перевод этих стихов предваряю греческим их оригиналом и славянским их переводом XIV в., извлекая их из рукописей, о которых дальше пойдет речь.

ΣΙΜΩΝΟΣ ΑΡΧΙΕΠΙΣΚΟΠΟΥ ΘΗΒΩΝ

Ἐπιλοῖς κραταιοῖς ἐλκίνας ζυγῶ στίφη,
ἀνευδότης, φεῦ, ἀχένας κάμψας κράτει,
κατακλύσας δὲ δωτίνις εἶδος ἅπαν,
ἀνδρῶν, γυναικῶν, καὶ τέπων, καὶ ταγμάτων,
νῶν ἐθνικῶν εἵργασται, ὃ σκιᾶς λάτρη,
προφητελάτοις χαλινοῖς γνάφους στρέφων.

Εὖ τοῦ παθόντος τῷ νικηθῆναι λόγῳ.

Ἄλλοις χρόνοις ἤκουσε πολλὰ πολλὰ σοὶ
τελοῖεν εὐχαῖς ἀλαλαζόντων ἔτη.
Θυροῖσι τὸ νῦν δὲ τοῖς ἀπειροῖς τῶν χρόνων,
ὁ στρατιώτης, ὁ στρατηγὸς ὁ βρέμων,
Καντακουζηνὸς ὡς ἀναξὶ Ἰωάννης,
σεπτοῖς τε σὺζῶν ἀγίοις Ἰωάσαφ.

Τάξει πάσῃ γὰρ ἐξέλαμψεν ἐλλόγως.

(Vatopedi 346, f. 323b)

СИМОНА АРХИЕПИСКОПА ФИВ'СКАГО

непрѣст дръжавными привлѣкъ игомь множество,
Оружиианними, уви, вые прѣклонивъ дръжавою,

⁶ См.: Nicol D. M. The byzantine Family of Kantakouzenos (Cantacuzenos) ca. 1100—1460. A genealogical and prosopographical Study. Washington, 1968. P. 98—100 (Dumbarton Oaks Studies XI).

⁷ Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας. Ἐν Πετροῦπόλει, 1898. Τ. Ε'. Σ. 337.

⁸ Me y e n d o r f f J. Projets de Concile oecumenique en 1367: Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et la légat Paul // Dumbarton Oaks Papers. Washington, 1960. T. 14. P. 174; Прохоров Г. М. Публицистика Иоанна Кантакузина. . . С. 331.

укротив' же дармы видь в'сакъ,
 мужъ, женъ, и мѣста, и чины,
 ныня добропобѣждае съдѣлаетъ, о правилу служителю,
 пророкованными брѣздами челюсти обращаетъ.

Благо же прѣтворшомусе еже побѣждену быти словомъ!

Въ многихъ лѣтѣхъ слыша, многа многа тебѣ лѣта
 да съврѣшаются мол'бами въсклицающихъ.
 Да словит' же се ныня въ безмѣрныхъ лѣтѣхъ
 воинь, воевода прѣтеи
 Кантакюзинь яко царь Иоаннь,
 съ чѣстными же живы святыми Иоасафъ.

Чином' бо в'сакымъ просиа честно.

(Венская королевская библиотека,
 № 34, л. 178—178об.)

Оружьемъ крепкимъ игу многихъ покорил,
 упорствующимъ шею силой преклонивъ
 и затопивъ дарениями всехъ кругомъ,
 мужей и женъ, пространства и чины.
 Теперь добромъ берешь ты верхъ, о тени рабъ,
 пророческою всеми правящий уздой.

Добро тому, кто былъ словами побежден!

Въ другие времена онъ часто слышалъ гласъ
 молившихся объ умноженьи его летъ.
 Такъ пусть пребудетъ въ беспредельности временъ
 прославленъ Кантакюзинъ, воинъ и стратегъ,
 какъ властелинъ носившій имя Иоаннъ,
 честныхъ сожителъ же святыхъ — Иоасафъ.

Во всякомъ чинѣ ведь онъ разумомъ блеснул!

При Кантакюзинѣ и при его участии происходили знаменитые «исихастские» споры, въ которыхъ аскеты-созерцатели и ихъ сторонники защищались отъ нападковъ со стороны людей гуманистическаго образа мыслей и рационалистическаго западническаго ориентации. Онъ немало способствовалъ тому, что практика монаховъ-исихастовъ перестала быть только келейнымъ явлениемъ, обрела теоретическое выражение — теорию «божественной энергии», и теория эта сделалась общеправославной, а энергичные деятели изъ лагеря исихастовъ достигли международной политической арены въ Восточной Европѣ.⁹ Исихастское движеніе XIV в., одной изъ ведущихъ фигуръ котораго Кантакюзинъ сталъ, какъ всякое достаточно развитое общественное движеніе, требовало если не новыхъ ответовъ на старыя «вѣчныя» вопросы, то, по крайней мѣрѣ, новаго, «современнаго» изложенья старыхъ ответовъ. Это и толкало Иоанна—Иоасафа къ словеснымъ баталиямъ. Действительно, онъ «училъ догматамъ» и папскаго легата, и рядъ западниковъ-грековъ, и турка-перебежчика, и случайно встреченнаго еврея, стараясь «пророкованными брѣздами», какъ сказано въ славянскомъ переводѣ стиховъ Симона Атуmano, повернуть въ нужную сторону ихъ «челюсти». Однако же выборъ оппонентовъ для литературныхъ диалоговъ Кантакюзина, можетъ быть, не былъ случайнымъ: съ одной стороны, они были обращены къ едино-

⁹ Подробнее см.: Прохоровъ Г. М. Исихазмъ и общественная мысль въ Восточной Европѣ въ XIV в. // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 26. С. 86—108.

верцам тех, с кем он спорил, с другой — к «ромеям», которым он давал тем самым образцы идеологического самоопределения по отношению к католическому Западу, к мусульманскому Востоку, к иудаизму и пр.

Для историков Византии Кантакузин — в первую очередь историограф. Современных же ему славян заинтересовала другая сторона его литературного творчества — полемическая. Для перевода были избраны, очевидно, наиболее важные для них слова-диалоги — в защиту христианства от мусульман и иудеев. В 1543 г. в Базеле был издан латинский перевод «слов» против мусульман (*Assertio contra mohammedicam*), в XIX в. в греческой серии Патрологии Миня, в 154 т. (кол. 371—692), этот латинский перевод был переиздан параллельно с греческим оригиналом «слов».

«Слова» против иудеев представляют собой обычный для полемического творчества Кантакузина сократический диалог. Этот диалог интересен и в литературном отношении, и в историческом: Кантакузин — умелый стилист с хорошим чувством композиции, и ему удается спору о вере придать динамизм и занимательность. Во многом это объясняется тем, что истолкование пророческих слов и ветхозаветных образов, опирающееся, несомненно, на традицию (традиция же эта многовековая, восходящая к «Восьми словам против иудеев» Иоанна Златоуста, «Разговору с Трифоном Иудеем» Юстина Философа и Посланию к Евреям апостола Павла), сочетается у него с примерами, взятыми из окружающей его реальности. Так, например, он говорит (во втором «слове») как о чем-то хорошо известном его собеседнику об обычной реакции тех, кто слышит чтение императорского приказа (они встают, криками восхваляют императора и, склоняя голову, возлагают на нее его грамоту), об отношении к образам, отчеканенным на монетах, о первенствующем значении хлеба в повседневной пище и пр. Есть основания думать, что с этим произведением Иоанна Кантакузина был знаком — очень, заметим, начитанный — автор русского «Слова о житьи и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Рускаго».¹⁰

Себя как сочинителя Кантакузин называет здесь «монахом Христодулом», а своего собеседника — «Ксеном». «Христодул» буквально значит «Христов раб», а «Ксен» — «чужой», или же «гость». Вероятно, имя собеседника — тоже псевдоним.

Случайная встреча, при которой завязался легший в основу этого произведения разговор, произошла, как сообщает автор, во время одного из визитов экс-императора-монаха (он пишет о себе, как принято, в третьем лице) на Пеллопонес. Действительное событие могло иметь место в 1361—1363 гг., в первый после пострижения приезд Кантакузина в Грецию, в Мистру, к правившему там сыну Мануилу,¹¹ или же позже, но не позднее начала 70-х гг., так как в первой половине этого десятилетия уже был сделан ряд копий этого диалога: *Vatic. gr. 686*, 1373 г.; *Zurich Stadtbibliothek 170 (C 27)*, март 1374 г.; *Marc. gr. 476*, июнь 1374 г.; *Paris. gr. 1242*, 1370—1375 гг.¹² В XIV в. были написаны также *Vatic. gr. 685* и *Vatopedi 346*. (В каталоге рукописей Ватопедского монастыря на Афоне кодекс *Vatopedi 346* датируется XV в.,¹³ однако же филигранные его бумаги, любезно срисованные по моей просьбе о. Василием Гролимундом, указывают на последнюю четверть XIV в.: «лук» типа, по альбому Брике, № 790 — 1387 г., № 797 — 1390—1394 гг.; «буква Р», по Брике, № 8459 — ок. 1370 г.). Существуют списки и более позднего времени: *Vatic. gr. 688*,

¹⁰ См.: Прохоров Г. М. Памятники переводной и русской литературы XIV—XV вв. Л., 1987. С. 105—106.

¹¹ *Ioannis Cantacuzeni Historiarum libri IV*. Bonnae, 1832. Vol. 3. P. 358—360; Nicol D. M. *The byzantine Family of Kantakouzenos*. . . P. 94.

¹² Nicol D. M. *The byzantine Family of Kantakouzenos*. . . P. 100, n. 167.

¹³ S. Eustratiades & Arcadios of Monastery of Vatopedi, deacon. *Catalogue of the Greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mt. Athos*. Cambridge, 1924. P. 68.

XV—XVI вв.; Paris. gr. 1243, 1542 г.; Paris gr. 1275, XVI в.; Paris gr. 120 (suppl. gr.), XVII в. Так что произведение это явно долгое время пользовалось у грекоязычных читателей популярностью. Впервые напечатано оно было недавно, в 1983 г., в Афинах Х. Г. Сотиропулосом: *Χαρ. Γ. Σωτηροπούλου. Ἰωάννου ΣΤ' Καντακουζηνῶς Κατὰ Ἰουδαίων, λόγοι ἐννέα (τὸ πρῶτον ὄν ἐκδιδόμενοι). Εἰσαγωγή — Κείμενον — Σχόλια. Ἀθήνα, 1983.* В основу издания положены четыре списка XIV в.: Vatic. gr. 686, Vatic gr. 685, Paris. gr. 1242 и Vatopedi 346. Различий в списках, которые позволили бы говорить о разных редакциях произведения, не обнаруживается.

В рукописях диалог с иудеем бывает соседствует со «словами» против мусульман. Так, в Vatopedi 346, с которой мне удалось познакомиться по микрофильму, сначала идут четыре апологии в защиту христианства от мусульман (л. 1—111), затем — четыре «слова» против Мухамеда (л. 112—165), а после этого девятичастный диалог с евреем Ксеном (л. 165 об.—323). Завершается сборник (л. 323 об.) воспроизведенными нами выше стихами латинского архиепископа Фив Симона Атуmano в честь автора.

Весь этот полемический сборник Иоанна Кантакузина (я не утверждаю, что именно эту книгу) какой-то серб не позднее 90-х гг. XIV в. перевел на славянский язык: в Венской королевской библиотеке под № 34 хранится сделанный на бумаге тех лет единственный известный список этого перевода, сербский по орфографии, происходящий из сербского святогорского монастыря Хиландарь.¹⁴ С ним мне тоже удалось познакомиться по микрофильму. Четыре «ответа» в защиту христианства от мусульман занимают в этой рукописи л. 1—115, четыре «слова» «на Мωαμεθα» — л. 115—178, стихи «Симона архієпископа Фив'скаго» (те, которые в греческом списке в конце книги) — л. 178—178 об., а диалог с евреем Ксеном, или девять «слов» против иудеев, — л. 178 об.—329 об. Первое «слово» диалога с Ксеном начинается в рукописи дважды — на л. 178 об. и на л. 179, а заканчивается на л. 187 об. Я упрощаю, публикуя его здесь, его орфографию: титла раскрываю, надстрочные буквы вношу в строку, «омегу» и «омикрон» передаю одинаково как «о», «оу» и «ук» как «у», «і» и «и» как «и», «ѣ» и «е» как «е», знаки ударений и придыханий не сохраняю. Удерживаю лишь «ять», а также «паерок», который передаю как апостроф, и двойную варию, или кендему, " — поскольку последние два знака часто обозначают звук.

Славянин переводчик старался создать нечто вроде пословного зеркального перевода — чтобы каждое слово оригинала смотрелось как в зеркало в свой перевод. Но значение некоторых слов он подставил, как будто взяв из словаря первое, основное, или главное, не думая о смысле фраз, контекста. Например: τὸ τῆς θρησκείας παρηλλαγμένον (различие вероисповедания) — «службы измѣненное», εὐμενοῦς σου διὰ πάντων τετυχηκῶς (встретившись с тобой, милостивейший) — «кротостное твое о всеѣх получивь», καθάπερ ἀνάγκην ἄσυχλόν τινα (словно некую всепоглощающую необходимость) — «якоже нужду неупражнение нѣкое», λέληθας ἐκτετοπισμένους (незаметно удалился) — «утайль еси удалень», «измѣнень далечеживы», δεήσω (затрудняюсь) — «потрѣбую», φέρ' ὑποθώμεθα (давай предположим) — «принеси да речемь», μνημεῖα (следы) — «гробы», ἀντικρυς (поистине) — «противнѣ», λήσει (захочет) — «забудеть», ποίας ἂν εὐπορήσαιεν ἀστείας ἀπολογίας (в какой, в самом деле, преуспели бы они утонченной защите) — «кѣи убо получить радостнѣ отвѣт». От этого перевод приобрел несколько, так сказать, «машинный» характер, хотя в целом он ясен и, очевидно, вызы-

¹⁴ См.: Birkfellner G. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Osterreich. Wien, 1975. S. 124—126; см. также: Я ц и м и р с к и й А. И. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек // СОРЯС. Пг., 1921. Т. 98. № 2. С. 146, № 112 (34); Проловић Ј. Српски рукописи XIII и XIV века у Бечу и манастир Хиландар // Хиландарски зборник. 6. Beograd, 1986. С. 213—215.

вал к себе интерес, поскольку на поле встречается сделанная другим, чем у писца, почерком запись: «Зри добре здѣ» (там, где Ісен, узнав императора, обращается к нему).

Перевод на современный русский язык сделан мною с учетом греческого оригинала. За проверку перевода сердечно благодарю доцента кафедры классической филологии ЛГУ А. И. Зайцева.

ХРИСТОДУЛА МОНАХА

л. 179 Не вѣмь, кое от обоихъ болшее реку, аще нѣции напишутъ таковое събрание: на иудеихъ вѣистину, или паче о нихъ. Мнѣ же мнитсе, добро есть глаголати и на коеждо. Овѣмъ бо убо, иже уму смѣжившимъ око и къ свѣту волею истинному заградившимъ мысль, обличение убо буди явлено и образъ живъ — аще буйства подобаетъ глаголати, аще неистовства ихъ; разумнѣйшимъ же и къ истинному благозарумно имущимъ — наставление нѣкое къ лучшему, и ихъ же от Бога дарованныхъ иже сице прилежащимъ — вещьшее и радостнѣйше, паче в'са имѣнна втора иже душу удобрающе и той в'сегда спасение хотѣти дѣйствовати.

л. 180¹ Благочъствуому и христолюбивому царю и самодръжавному гръкомъ Иоанну Кантакузину, иже божественнымъ и иночьскимъ образомъ прѣименовану Иласафъ монахъ, въ Пелопонисѣ случившусе, тамо живуцу, от то-мѣстныхъ нѣкоторые, Ксень именованъ, службою еврейнь, поклонни же ся сему, яко же обyklъ бѣ, и прѣжде даже приближитесе и «Радуйсе, — рече, — царю!». «Откуда гредеши?» — рекшу царю, — «Кротостное твое о всѣхъ, — Ксень рече, — получивъ, царю, и твое паче къ всѣхъ молбамъ кроткое прослуто вѣды, еже ниня и самъ мнѣ ничесоже вѣмь, греду и ниня длъжное ми раб'ское поклонение въздавае, еже ниня от всѣхъ азъ скорѣйше полагаю».

«Нъ и ты радуйся паки, — царь възотвѣща.² — Елма же еже ниня быти от нужднихъ ничто же нас упражняетъ, праведнь убо будещи ми глаголати, кое мнѣ сие раб'ское, яко же рече, поклонение прииде въздати. И тебѣ бо мнѣ непщеватесе в'сачьска быти вещь работѣ, а не проста; рабы бо убо речемъ и плѣненныхъ, и купленныхъ, суть же иже и себе волею, а. 180 об. суще въ оскудѣнии потрѣбныхъ, инѣмъ подложившесе; работает же паки||и кнезюмъ послушное; образомъ же инѣмъ и рабы грѣху не вѣнѣ слова речеть кто убо, иже не помыслюмъ потрѣбовавшимъ обладающему страстемъ, ни же себе вѣдущихъ яко по образу Божию создани быше, нъ сластемъ бесловеснѣ и страстемъ побѣжденныхъ инѣхъ, долу же прѣкланяющихся, яко же нужду неупражнение нѣкое имущимъ страстемъ работати присно. Имъ же бо побѣжденъ есть кто от нашихъ, — божественъ нѣкто мужъ рече, — сему и поработаетсе».

Вѣмъ же азъ и работу ину — любви похвалну. И паки другу, вещьшу всакое свободы и различну, юже аще кто стежит, всѣхъ можеть убо прѣвыше бывати. Каа сиа? Еже в'су свою волю отъети и в'се нѣкое отсѣщи произволение, себе же подложити и покорити мужу нѣкоторому божеств'ну от иже художество имущимъ приводити Богови, иже тѣмъ добрѣ хотещихъ послѣдовати.

Прочее, аще добрѣ намъ о сихъ раздѣлено бысть, по коему от реченныхъ образу раба моего себе непщевать, поклонисе?

Ксень:

— Дивно тебѣ в'са и твое достойно душе извѣщено бысть, божественнѣ царю. Раба же себе азъ твоего вѣмъ||ово убо и самъ от покарющихсе единьтвоей божеств'ной дръжаве службе, ово же и за самое любви добро, от

¹ Л. 179 об. в рукописи чист.

² На поле запись другим почерком: «Зри добре здѣ».

многих бо слыше многа о тебѣ добра и блага, желание имѣахъ тебѣ приближитисе и бесѣды насладитисе твое. Ни бо мнит ми се възбраняти къ желаниу добрыхъ мне службы измѣненное.

Царь:

— Нъ врѣме ти есть, Ксене, съматрати, да не добрыхъ убо себе рачителя възнешпуеши, далече же от сих истинами утаилъ еси удалень, по иже въ снѣхъ богатеющихся или царствующихъ. Аще бо добрыхъ всѣхъ главизна есть любви, и Богъ самъ любви и есть и глаголетсе, како убо кто истинною любити может, истинные любве, самого — реку — Бога, прьваго от рачитель погрѣшае?

Ксень:

— Еже убо всѣхъ въкупѣ благѣхъ пусту быти иже вънѣ Бога падающему, се прочее и самъ, от немалыхъ нашихъ слышавъ, вѣмъ. Люби же Богъ и быти именоватисе, яко же ниня тебѣ глаголющу слышахъ, странно мнѣ мнитсе и недоумѣнно. Аще может кто от иже въ насъ ниня, что есть Богъ, указовати! Вещь никако же убо никогда же смѣлу ни же от иже прѣмудростиу и разумомъ инѣхъ прѣшъдыше, ни же убо от ихъ же болѣе различно же и многовидно послужившимъ.

|| Царь:

— Имаши ли слышавъ нѣкогда, Ксению, волею Бога и благностиу и любвиу в'се ниня се привести, или никако же сѣ слышаль еси?

Ксень:

— Множицею же и от многихъ.

Царь:

— Яко же убо любвиу и благностиу в'сако бываемо от ничесоже никако же състави, сице паки благностиу и промышлениємъ сдържити в'са и спасает и съблюдаеть. Аще бо не би сѣ было, ни же възприела би вса божеств'ные любве же и промышлениа, никаа же хытрость не въ не-
сущое паки сиа в'торое тещи. И яко же паки вѣкъ Богъ глаголетсе и вѣчнъ яко вѣкомъ творецъ и господь, «Богъ, — бо рече, — вѣчнѣй, устройвы крае небеси», сице и любви глаголетсе яко сее виновнъ же и податель. Нужда бо нѣкаа и уза нерушима любве неизреченные еже выше насъ силы, небесные реку, и видимое сѣ украшение съсвезуетъ и сдържити. Что бо убо кто речеть обще небу и земли; водѣ же паки и огню; и въздуху, льг'ку и горѣносну, и земли, тежцѣ и долу влѣкущи; и инѣмъ къ инымъ, иже супротивнѣ другъ друга по качествохъ имуть? Нъ обаче сице въсма по ест'ств'лому ратуема слову, теплое реку и студеное, и сухое и || мок-
рое, и рать междусобну непрѣстанну въ другъ друга имуща, вложенога ради симъ съмирения и люб'ве от Болшаго, нератна и несмѣсна къ себѣ же и къ другъ друга съхраняются, и всѣхъ благочиние и любви състави. И в'са яко въ неподвижнѣ и непрѣклоннѣ силѣ къ своему съмирению и безмльвиу стоеть. Сихъ ради, прочее, и съмирение и любви Богъ именуется яко датель и виновнъ сее. Что же по существу есть — се, еже тебѣ прѣжде мала недомысленно бѣ, — не тъкмо же от всѣхъ никто же дониня рещи произыде, нъ и в'сѣ сиа едина всѣми дръжити, ни же самѣмъ прьвиимъ от аггелѣ, херувимъ реку и серафимъ, что убо есть Богъ вѣдѣти. Прочее не и тебѣ ли, Ксению, сѣ сице имѣти мнитсе?

Ксень:

— Извѣстно же.

Царь:

— Прочее внимати подобаеть и сѣ, еже въ начелѣхъ рѣхъ, — съматрати, да не добрыхъ убо себе рачителя нешпуеши, развращенное же будеши и далече нѣгде паче от благаго и истинные и сущие любве, Божие реку, измѣненъ далече живы.

Ксень:

— Аще убо яко не по достояниу, о цару, ихъ же от Бога повелѣнныхъ пожившу и чести ми прѣгрѣшен'мы умъ окалявшу отпасти ми от Бога речеши, || не убо что множае глаголати начну, себе вѣды никако же мала

паче пожив'ших томител'ства длъгующа. Аще ли же яко о вѣрѣ погрѣшителнѣ и злѣ мудръствующа, — якова многа на ны наручно глаголати и иже суть христиан'скыя вѣры обыкоше, в'егда азъ потрѣбую твоихъ судовъ исповѣдовати. И тмами убо паче изволилъ быхъ, аще би мощно, умрѣти, или ино что от иже от Бога мнѣ данну закону болше непщевати и божеств'нѣше. Аще бо вы, языкомъ бывше дѣти, или паче языци сымѣснии в'сачьскы, яко же и сами глаголати не стидитесе, тврдѣ служити болшему непщуете, ни же и сиа обрѣзающе, ни же повелѣние суботамъ съблюдающе и без'квасныхъ, ни же уречен'ные праздники съвръшающе, нъ безъ студа божеств'ному закону ругающесе, како не паче васъ православному намъ мнѣтисе, прѣдѣда убо хвалещесе имѣти Авраама, учителя же Мосеа, вса же съблюдающе непрѣступна прѣдреченнаа? А еже мнѣ новѣйше от всѣхъ мнитесе, яко и израилити себе, и сыны Авраамле начинаете зватисе.

Царь:

л. 183

— Еже убо о сихъ да пожди ||ть мало. А еже ниня, оно ми скажи: еврейн ли еси, или иудеанинъ, и садукееанинъ или фарисей?

Ксень:

— Еже убо въ мнозѣ фарисеомъ, от нихъ же единъ ес'мь и самъ, съ садукееи любопрѣтисе, в'сѣмъ мнѣ явѣ быти. Евреанину же и иудеанину различие, еже тѣ не глаголеши, никаково убо непщую.

Царь:

— Яко же, о Ксеню, словесному и бесловесному общи есть родъ животное, разн'ствуетъ же: ово убо бесловесно быти, ово же словесно. И паки обще състав'ми есть словесное, различие же въ нихъ яко Илии и Иеремии и Исаяи. Сице всѣмъ вашимъ колѣнномъ обще есть име еже еврейнъ, яко от Евера низводимымъ, особно же комуждо еже тогову патриарху. Левитѣне бо рѣхомъ от Левие, и вениамитѣне от Вениамина, и иудеани от Иуди, и въ инѣхъ такожде. Сице ли, прочее, и тебѣ мнитесе, или инако имѣти?

Ксень:

— Сице ниня и не инако. Азъ убо, яко же нѣгде от моихъ родителейъ слышавъ имама, Иудова племена низводима, и иудеанинъ, по еже данному от тебе слову, вълѣпоту убо нареклъсе быхъ, о цару.

Царь:

л. 183 об.

— Еже слово от многа вашã съмутитисе: инã ||же и колѣнномъ опаснство и устроение, — всѣмъ убо мнѣ рещи, аще и тѣ не глаголеши. Прочее убо отвѣщай ми о нихъ же выпрашаю.

Принеси да речемъ, потрѣбѣ нѣкое и тебѣ постигши, въ Римѣ приити и прѣбывати тамо. Таже двã нѣкаа от ихъ же от тоезде твое вѣры въ единъ день случитисе сице и обѣма къ Риму доплути, и овому убо от Испание, овому же от Пелопониса, и от тогожде твоего отечества быти и ближни тебѣ по роду. Еда не би убо, суцаго от Испание мимотекъ, къ отечному пришъл би и суродному, аще здраво суть домашнїи, аще любими живи суть и богат'ства некрадома прѣбываютъ ли, испитовал би?

Ксень:

— Суть сиа, и слово ниедино.

Царь:

л. 184

— Аще убо сѣ сице есть, яко же явѣ и самъ рекль еси, и чловѣка убо от многихъ одинаго сьрод'ства ради сице съ любвиу под'ель би и целоваль и испитоваль, а иже от Испание никое же слово въсма сътворил би. И сиа ниединые съпроста малые суци или тьщети, или ползе — и сиа тѣлесна, души бо ничто же касашесе. Что юже нѣкогда толика и толи ||ка и от толицѣхъ слыше дивныи чаетееств'ны о Месии веци, и вѣровавшимъ убо тѣмъ спастисе, и рай, его же прѣотѣцъ нашъ, заповѣдъ прѣступль, погуби, приети, а иже нї — негасимому и вѣчному огню прѣдатисе, ниедино же слово твориши, ни испитуеши, аще сице сиа суть, таже и въкупород'нъ сѣи Христу, Иудова бо еси племени, нъ сице окаяннѣ живеши, ничто же

от бесловесных или мало разньствовавъ? И убо аще от бесловесных едино нѣкое в'сако случильсе би сѣ, о малых убо, паче же ни о чесом же тебѣ обстоеть тыщетнаа, сиа бо на судь не приходит. А иже свое душе спасение погрѣшае запрѣщеннымъ понужди непрѣходимымъ мукамъ подлежить.

Ксенъ:

— Помилованъ правед'нь быти тобою реку, цару, аще послѣдованиу въпрашающу слово и нѣчто продръзательно реку. И бо аще иже от Авраама и Исаака и Иакова нас, иже от Бога Моисеомъ данному закону хранителемъ въ муку отити нещуете, что убо, прочее, речемъ о вас, коим же мукамъ нещуетъ вас достоинѣхъ, без'божныхъ дѣтемъ и нечестивыхъ, иже от Бога Мосеомъ || божеств'нымъ даннымъ повелѣниемъ ругающихся, иже еще *л. 184 об.* и ниня гробы нѣкые вет'хаго идолослужения имущихъ? Прочее бо нѣсть ли идоломъ служити противнѣ еже по стѣнахъ и дрѣвесехъ написанымъ чловѣкомъ, паче же самѣмъ поклонятисе дрѣвесемъ? Како же и животнымъ бесловеснымъ нас приложены нещеваль еси, иже неврѣдиму дониня юже от отецъ прѣданную и прѣдложеную вѣру же и истину дражещихъ же и почитающихъ?

Царь:

— Радостиѣ убо да навикну от тебе, какова каа есть вѣра сиа и истина.

Ксенъ:

— Истинное, о цару, угризно есть. Малыхъ вѣмъ тръпещихъ сего ради. И убо яхсе, да не немалыхъ неудоб'ствий безгодное бесѣды паче вины мнѣ поставитсе. И бо елма на ны дрѣжаву Богъ вамъ ими же вѣсть словесы подасть, на себе оружие острити и явѣ нещеванъ буду, указаниа облич'нѣйша потрѣбовавъ к тебѣ. Ни бо мнѣ стрѣпѣти ти о Иисусѣ бесѣдующу ми. Бога бо того и Божиа сына вѣ водите.

Царь:

— Ничесоже, о Ксеню, таково помышляй. Ни же мнѣние никаково убо да отведет те же в'са истезати яже къ свѣту о моемъ Бозѣ Иисусѣ Христѣ; || стрѣплю бо в'сѣми, аще и от всѣхъ злѣйша прѣдложити въскощещи. Ни едина бо тому сквр'нна, ни врѣдъ от сихъ послѣдуетъ. И отци бо ваши древле прѣльстника того нарыцѣху, и бѣснуема, и самаранина, он же в'са прѣтрѣпѣ кротцѣ, тѣхъ ождае спасение, и убо о тмами имѣе тѣмъ мльние навести и земли повелѣти рас'сестисе и пожрѣти досаждающихъ. И ни единъ же врѣдъ нѣкѣй от онѣхъ неистов'ства тому приразисе. И бо и небо аще кто стрѣляти начнетъ, оного убо никогда же постигнути възможеть, — мнѣ же аще когда и на се забудеть стрѣлу пустивъ. Кромѣ же сихъ не убо навикнути ти добрѣ будетъ истинное, аще не в'се прѣвѣе, еже хочещи, свободнѣ речещи и безъ страха. Яко убо ничесоже въсма виде скрѣбно, безъ сумнѣнннн и безмльвиемъ в'се, еже хочещи, и въпрашай, и произноси.

Ксенъ:

— Понеже кротцѣ и яко же подобаше еже от съпротивъ глаголющихъ от'емле страхъ отгналь еси, цару, навикнути же тыщание сътвориль еси юже от отецъ намъ наученную истину, слышати кротцѣ молюсе яже о Иисусѣ, его же от тогожде || моего колѣна быти прѣдрекль еси. *л. 185 об.*

Он бо, яко въистину отъ вышнихъ навикше имамы, дрѣводѣля Иосифа и Марие бѣ сынъ съ инѣмы четырьми братами, Иакова, и Иосие, и Симона, и Иуды, иже и много люди множество прѣльстивъ, повину вънимати тому и вслѣдъ ити, обходе. Сына Божиа себе съставляше, словотворе, Иосифовъ быти знаемъ бѣ отъ всѣхъ, с небесе же сънити велемудрствоваше и вънимающимъ ему и послѣдовати изволившимъ обѣщавашесе никогда убо ходити въ тмѣ. А еже отъ всѣхъ чюднѣйшѣ, яко не у четыридесетъ лѣтомъ бывъ, прѣжде Авраама себе быти баснословѣше. Сихъ убо толикихъ лъжѣ отци наши слышати не тръпеще, неславнѣ съмрѣти, емше, прѣдаше, на дрѣвѣ пригвоздише.

Вѣ же, иже идолослужителемъ дѣти, не съмотрити чистѣ възмогше истину, явѣ яко како убо когда мощно будетъ бестѣлесному и неописан-

ному и необмыслимому Богу имѣти сына? Не яко убо въ сиемъ тъкмо безумно съгрѣшите, Бога того и непщевавше и почѣтъ ||ше, нѣ и мучительни органъ, крестъ, на немъ же распеть бысть и умрѣтъ, говѣниемъ колицѣмъ покланяется, спаса сего и честнѣйшѣ нарычуше отъ именѣ!

Безгодно убо будетъ вѣмѣнати ниня яже о немъ отъ васъ бесловеснѣ словотворима, яково ниня и оно, еже себе въскрѣсити, его же ученици ноциу, въ нѣже погребенъ бысть, гробъ раскопавше, украдоше, и еже на небеса по умрѣтви възвестисе, себе не могущу отъ нуждныи и всѣхъ срамныи съмрѣти спасти, нѣ яко единому отъ ихъ же съ нимъ распетиихъ злодѣи животь испутившу.

Царь:

— О пророцѣхъ, о Ксеню, како имаши мнѣние? Убо божеств'ни ли онѣхъ непщуети гласи и ничесоже тѣмъ рещи свое, нѣ в'сако еже въ нихъ глаголей Богъ вылагаше, или ино нѣчто тебѣ прѣжде сихъ мнитсе?

Ксень:

— Никогда убо инако азъ реку. Аще бо не отъ Бога онѣхъ възнепщую словеса, самъ убо себѣ быхъ подрѣзатель и своими узами удръжанъ буду, по притичному. В'са бо абие честнаа нашее вѣры растлѣтисе имутъ, аще не сѣ дано будетъ, и никогда же иже Моисеомъ намъ дана пророчеств'на възнешуемъ божеств'вна.

Царь:

— Зѣло добрѣ отвѣщалъ || еси истину и сужденымъ правость. Прочее, аще пророчьскаа здравствуютъ, слѣпи, по Исайи, суще бѣху древнии отци ваши и глуси: «очи бо, — рече, — имуще, не видеть, и уши имуще, не слышетъ». И сѣ не о тѣлесныхъ очию и слухохъ есть рекы, нѣ о чювьствохъ душевныхъ. Или что когда убо съгрѣшати мнѣху, аще тѣлеснаа чювьства имѣху поврѣждена? Ниня же вины не имутъ о грѣсѣ своемъ.

Кѣмъ убо получить радост'нѣ отвѣтъ, в'сегда зреще яже отъ Христа дѣйствуемѣ чюдеса: прокажен'ныхъ реку очищаемыхъ, хромыхъ скачущихъ, слухыхъ исцѣлѣвшихъ, слѣпыхъ отъ погрѣшениа родитель зрещихъ, расслабленыхъ стегнутыхъ, еже всѣхъ вещьше же и божеств'нѣйше — мрѣтвыи яко же снѣхъ отрѣвающихъ съмрѣть, — еще же и яже суть вѣчныи жизни слышеще глаголы, его же ради и Давидъ въ устнахъ его излиатисе поаше, — и не яко никако же къ оного разуму отъ толикихъ привлѣчени и ползу малу убо нѣкую принес'ше, нѣ образомъ аспиды глухы, уши затыкающе, и къ еже на нѣ убийства паче раздражаеми, иже тѣхъ блюдѣтел'ствуе не оставляше в'сегда.

— Аще убо, яко же прѣдложи ||хом, божеств'вна и вамъ не мѣне мнете пророчьскаа, како убо иже отъ Бога слѣпотовати и глуховати умою указани чистѣ могутъ убо о истину навѣкнуги, дондеже грьдыня и зависть плавае въ душахъ ихъ? Аще ли иже отъ многихъ прѣимуше и инѣхъ владичество вѣвѣрени и учити получив'ше такови ниня отъ ихъ же нами реченныхъ явѣ показуютсе, како убо будетъ силниимъ, иже много по онѣхъ, не и горше отъ онѣхъ прилежати и множае прѣльститисе и къ свѣту истинному слѣпу быти? Ни бо есть слѣпому отъ слѣпаго солнѣчную свѣтлость видѣти, ни же пакы глухому отъ инога такова писмена навѣкнуги мощно. Тѣмъ бо самъ выш'ше исповѣда, яко отъ вашихъ отецъ научистесе истинѣ. Кѣмъ убо сихъ? Ихъ же отъ Бога слѣпыхъ и глухыхъ указанныхъ? Нѣ истина явлен'нѣйшѣ прѣдставляетъ, яко, аще слѣпѣць слѣпца водитъ, и обои въ яму выпадутъ.

И убо аще би себѣ тъкмо повинни злымъ, въ погыбѣл'ны ровъ волею себе низревающе, было би убо неразумна, и сего ради и томление онѣмъ смѣреннѣйше. Ниня же толикие тмы дшѣ лютѣйшею отъ съмрѣттии виновнымъ бывшимъ, кое когда убо тѣмъ достойно быти мучение кто възнепщуетъ, коего || тартара, коего огня нѣ суть достойни?

Ксень:

— Еже убо Исайина не быти словеса едва убо укрѣплюсе, ово же не о прѣданиихъ, нѣ о множеству съгрѣшеннымъ рещисе и паче реку. Иже бо повелѣн'мы Божиими не обрабаеми, ни же еже отъ добродѣтели гонеще

благѣ, нѣ бестудно къ сластемь от невъздръжаниа валяющесе, слѣпи и глуси да глаголютсе убо не неподобнѣ, аще не и от сихъ горши.

Конецъ еже на иудеихъ прьвому слову.

ХРИСТОДУЛА МОНАХА

Не знаю, противъ иудеев, или за нихъ, покажется некоторымъ предпочтительнее озаглавить это сочинение. Мне же кажется, что можно и так, и так. Ибо для смежившихъ умственное око и добровольно закрывшихъ разумъ для света истины это будетъ яснымъ показателемъ и живымъ свидетельствомъ либо ихъ, такъ сказать, наивности, либо безумия; для более же культурныхъ людей и более благосклонныхъ к истине — своего рода путеводителемъ к более правильному, а для людей такого же образа мыслей из числа служителей божьихъ — к большому и приятнейшему, если только в самомъ деле все другіе блага ниже совершенствования души и желанія такимъ образомъ полностью обеспечить спасение.

Однажды, когда благочестивейшій и христоролюбивый императоръ и самодержецъ ромеевъ Иоаннъ Кантакузинъ, ради божественнаго монашескаго чина переименованный въ монаха Иоасафа, оказался на Пелопоннесе и находился тамъ, некто изъ местныхъ жителей, называемый *здесь* Ксенъ, а вероисповеданиемъ еврей, подойдя, поклонился ему, какъ онъ привыкъ это делать раньше, и сказалъ:

— Радуйся, царь!

— Откуда ты пришелъ? — спросилъ императоръ.

— Встретившись съ тобой, милостивейшій царь, — сказалъ Ксенъ, — и зная о твоей широкоизвестной учтивости въ обращении съ каждымъ, съ чемъ я и самъ не хуже другихъ знакомъ, я и подошелъ теперь, чтобы воздать еще должный *тебе* рабскій поклонъ, что, я полагаю, какъ нельзя кстати.

— И ты также радуйся, — отвѣтилъ императоръ. — Поскольку же у меня сейчасъ нѣтъ никакихъ неотложныхъ дѣлъ, хорошо будетъ, если ты объяснишь мнѣ, какой такой рабскій, какъ ты сказалъ, поклонъ ты пришелъ мнѣ воздать. Ведь ты согласишься со мной, я думаю, что рабство дѣло не простое, а многообразное, ибо рабами мы называемъ и захваченныхъ въ плен на войнѣ, и купленныхъ людей, некоторые изъ которыхъ сами подъ давлениемъ нужды закладываютъ себя другимъ; рабствуетъ опять же *все* покорное властямъ; съ другой стороны, не будетъ, пожалуй, ошибкой назвать рабами грѣха и техъ, кто не пользуется разумомъ для управленія страстями и не совершенствуетъ себя сознательно по образу божію, а безрассудно покоряется наслажденіямъ и инымъ страстямъ и спускается внизъ, словно имея некую всепоглощающую необходимость постоянно быть рабомъ наслажденій. Ибо чему изъ нашихъ *влеченій* кто покоряется, сказалъ одинъ божественный мужъ, тому *тотъ* и рабствуетъ.

Знаю я и иное рабство — достохвальное рабство любви. И еще иного рода, большее и ценнейшее всякой свободы, которое если кто обрететъ, сможетъ стать выше всехъ. Что это за *рабство*? Удалить всякое собственное желаніе; отсечь всю свободу воли; отдать себя и подчинить некоему божественному мужу изъ числа умеющихъ вести къ Богу; подчиняться имъ добровольно.

Если я правильно об этомъ толкую, то *скажи*, какого изъ перечисленныхъ типа рабомъ моимъ счелъ ты себя, поклонившись?

К с е н:

— Ты поразительно и достойно твоей души, божественнейшій царь, все разграничилъ. Рабомъ же твоимъ я считаю себя, съ одной стороны, потому, что я — одинъ изъ подчиненныхъ, находящихся въ твоей божественнейшей власти, съ другой — изъ-за самой радости любви, ибо, слыша о тебѣ отъ многихъ много добраго и хорошаго, я и самъ имѣлъ случай благодаря апелляциямъ

ной жалобе встретиться и насладиться беседой с тобой. Ведь, я думаю, различие вероисповедания не может помешать мне любить прекрасное в тебе.

И м п е р а т о р:

— Однако, Ксен, пора поразмыслить: как бы, считая себя ревнителем прекрасного, ты незаметно не удалился далеко от него на деле, подобно тем, кто богач или царь — *лишь* во сне. Ведь если начало всего прекрасного — любовь, а любовью и является и называется сам Бог, то как сможет кто-нибудь любить истину, будучи далеким от подлинной любви к Нему, т. е. к Богу, первому из ревнителей *прекрасного*?

К с е н:

— Отсутствие всех вообще хороших качеств свойственно человеку, отпадающему от Бога. Слышав от немало числа единоверцев, это я уже и сам знаю. А вот то, что Бог и называется и является любовью, как только что услышал от тебя, кажется мне чем-то странным и непонятным. О, если бы кто-нибудь из наших современников мог выразить, что такое Бог! На это дело никто никогда не решался ни из превосходящих мудростью и здравым смыслом других, ни из тех, кто многообразно всяческими способами послужил добру.

И м п е р а т о р:

— Приходилось ли тебе, Ксен, где-нибудь когда-нибудь слышать, что все это Бог произвел волей, добротой и любовью, или ни от кого никогда не слышал?

К с е н:

— Даже часто и от многих.

И м п е р а т о р:

— Подобно тому, как посредством любви и доброты все ставшее из ничего стало быть, так же, опять-таки, все удерживается от распада, сохраняется и поддерживается добротой и заботой. Ведь если бы этого не было и не было бы все объектом божественной любви и заботы, то не нашлось бы ни единого средства, чтобы помешать этому *миру* снова помчаться назад — в небытие. И подобно, опять же, тому, как Бога в качестве опоры и господина веков называют вечностью и вечным — Бог вечный, сотворивший пределы неба ведь говорит (?), — так же называют его и любовью — в качестве первопричины и подателя любви. Ибо некий закон и неразрывные узы неизреченной любви связывают и прочно соединяют высшие над нами силы, т. е. небесные, и вот это самое зримое мироздание. А что, казалось бы, общего между небом и землей; между водой и огнем; легким, стремящимся вверх воздухом и тяжелой, тянущей вниз землей? И между другим и прочим с противоположными друг другу качествами? Однако же *все* до крайности по закону природы противоречивое и ведущее друг с другом непрерывную междуусобную войну, т. е. жар и холод, суша и влага, благодаря внушенным им от Всемогущего миру и дружбе, сосуществуют немятежно и несмесо, и длится всеобщая согласованность и любовь. И все, словно в твердой и неизменной державе, пребывает во взаимном мире и покое. Стало быть, и миром и любовью Бог именуется в качестве подателя и первопричины оных. Что же Он такое по *своей* сути — относительно чего ты только что недоумевал — так этого не только никто из всех здешних^а не в силах доказать, но и господствует среди всех одно и то же мнение, что даже первые из ангелов, т. е. херувимы и серафимы, не знают, что же такое Бог. Не так ли точно и ты думаешь, Ксен?

К с е н:

— Точно так.

И м п е р а т о р:

— Не следует ли тогда вернуться к тому, что я тебе посоветовал в на-

^а Т. е. земных.

чале: смотреть, как бы, почитая себя ревнителем прекрасного, не оказаться его противником и не забыть истинную и сущую, т. е. Божью, любовь, удалившись от добра куда-нибудь слишком далеко?

К с е н:

— Если ты, царь, считаешь, что я прожил *жизнь* недостойно заповедей божиих, замарал душу многочисленными преступлениями и потому отпал от Бога, то я не буду и пытаться говорить дальше, зная, что как гражданин я не заслужил ни малейшего наказания. Если же ты имеешь в виду заблуждение в вероисповедании и дурной образ мыслей, — так как люди христианского вероисповедания обычно много говорят против нас наобум, — то я лично никогда не смогу согласиться с твоим мнением. Я скорее предпочту, будь это возможно, десять тысяч раз умереть, чем признать другой закон более благочестивым и превосходящим тот, который дан мне от Бога. Ведь если вы, сыны язычников, а скорее разнородная смесь языков, что и сами вы говорить не стесняетесь, к тому же будучи необразованными, не соблюдая ни субботних предписаний, ни опресноков, не справляя установленных праздников и откровенно глумясь над законом божиим, непоколебимо уверены, что ваш культ лучше, то как же нам, гордящимся Авраамом как предком, Моисеем как учителем и нерушимо блюдущим все упомянутое, не почитать себя более правоверными, чем вы? Что же мне более всего кажется странным, — что вы посягаете называть себя израильтянами и сынами Авраама.

И м п е р а т о р:

— Эти вопросы давай немного отложим. Сейчас же вот что скажи мне: ты еврей или иудей, а также саддукей или фарисей?

К с е н:

— То, что фарисеи, одним из которых я и сам являюсь, во многом отличаются от саддукеев, всем очевидно. Между евреем же и иудеем, считаю — если ты не скажешь, *в чем она*, — нет никакой разницы.

И м п е р а т о р:

— У разумного, Ксен, и неразумного общий род — живое. Разница же та, что одно неразумное, а другое — разумное. У лиц же, в свою очередь, общее — наделенность разумом, разница же у них — как у Илии, Иеремии и Исаяи. Подобно этому также и у всех ваших колен общим является имя «еврей», поскольку все они восходят к Еверу, а собственным каждому — имя его патриарха. Ведь левитами мы называем от Леви, вениами́тскими — от Вениамина, иудеем — от Иуды, и другим подобным же образом. Так же и ты думаешь, или иначе?

К с е н:

— Именно так и не иначе. Я-то, насколько слышал о своих предках, происхожу из колена Иуды и согласно твоему объяснению, царь, назовусь, пожалуй, иудеем.

И м п е р а т о р:

— Что у вас давно *все* перепуталось: и точный смысл, и устройство колен, и другое — всякий, думаю, скажет, даже если не скажешь ты. Но прежде ответь мне на мой вопрос.

Давай предположим, что по какой-либо приключившейся надобности ты прибыл в Рим и живешь там. Затем два каких-нибудь твоих единоверца в один *прекрасный* день попали в такие же обстоятельства и оба пришли в Рим, один — из Испании, другой — с Пелопоннеса, из одного с тобой отечества и рода. Разве, минуя того, что из Испании, ты не подошел бы к соотечественнику, расспрашивая его, в порядке ли твои домашние дела, жива ли семья и цело ли имущество?

К с е н:

— Именно так, и слов нет.

И м п е р а т о р:

— Стало быть, это так, и ты сам согласен, что одного человека из многих по причине родства ты бы так благосклонно и с готовностью принял,

и радушно приветствовал, и расспрашивал бы его, а на того, что из Испании, не обратил бы никакого внимания. И ты бы так поступил при том, что это сопряжено было бы с совершенно незначительным убытком или прибытком, — и то *лишь* в отношении тела, ибо души ничто бы не касалось. Почему же, в конце концов, слыша столь много и от столь многих, что дела Мессии необыкновенны и сверхъестественны, что уверовавшие в него спасутся и обретут рай, который праотец наш, преступив заповедь, потерял, и что неуверовавшие будут преданы неугасимому огню, ты, будучи к тому же из одного с Христом колена, ибо ты как раз из колена Иуды, не обращаешь *на него* никакого внимания, даже не выясняя, так ли обстоит дело, и так жалко блуждаешь вокруг, ничем за малым исключением не отличаясь от бессловесных? Хотя, если бы тебе случилось быть вполне одним каким-нибудь из бессловесных, ты подлежал бы небольшому наказанию, а скорее *и вовсе* никакому, ибо таковые на суд не идут. Тот же, кто погрешил в отношении спасения собственной души, обязательно будет подвергнут обещанным бесконечным мукам.

К с е н:

— Я думаю, царь, что с твоей стороны будет справедливо извинить *меня*, если, в силу требования логической связности разговора, я скажу нечто более опрометчивое. Ведь если вы полагаете, что мы, происходящие от Авраама, Исаака и Иакова и хранящие закон, данный через Моисея от Бога, будем изгнаны на муки, что же тогда скажем мы о вас? Каким карам сочтем достойными вас, сынов безбожников и нечестивцев, глумящихся над установленными Богом через божественного Моисея заповедями и по сию пору сохраняющих кое-какие следы давнишнего идолопоклонства? Ибо разве это не настоящее идолопоклонство — поклоняться написанным на стенах и на досках людям, а вернее — самим доскам? Как же ты счел нас сравнимыми с бессловесными тварями, когда мы до сих пор непременно храним и чтим веру, которую нам дали отцы, и истину, которой они нас научили?

И м п е р а т о р:

— Я с удовольствием узнаю от тебя, что же это за вера и истина.

К с е н:

— Истина, царь, колет глаза. Не многих знаю, которые выдерживают это. И я боюсь, не была бы неблагоприятность разговора причиной немалых бед. Ведь поскольку Бог, по ему известным причинам, дал власть над нами вам, если я воспользуюсь более опровержительными доводами против тебя, то можно будет считать, что надо мной занесен отточенный меч. Ибо я знаю, что ты не стерпишь, если я буду рассуждать об Иисусе. Ведь вы его Богом и сыном божьим считаете.

И м п е р а т о р:

— Ничего такого не принимай в расчет, Ксен. Пусть недоверие, даже самое малое, не мешает тебе продолжать говорить все, что хочешь, относительно Бога моего Иисуса Христа; ибо я все вытерплю, — даже если бы тебе захотелось прибавить самое гнусное. Дело в том, что из этого не последует никакого ни бесчестья ему, ни вреда. Ведь и отцы ваши раньше называли его и обманщиком, и одержимым, и самаритянином, а он кротко все сносил, взяв на себя их спасение, хотя мог наслать на них тысячи молний и приказать земле разверзнуться и поглотить обидчиков. И никакое бесчестье не замарало его от их выдумок. В самом деле, если кто-нибудь попытается стрелять в небо, ведь никогда не сможет его достать, — точно так же и тот, кто попытается метать стрелы в него. Если, прежде всего, ты не будешь свободно и безбоязненно говорить всего того, что ты хочешь, то тебе не удастся хорошо узнать истину. Так что без сомнений спокойно спрашивай и высказывай все, что нравится, совершенно не опасаясь никаких неприятностей.

К с е н:

— Раз уж ты спокойно, как *тебе*, царь, подобает, изгнал подкрадываю-

щийся относительно возражений страх и выразил желание узнать истину, которой нас научили отцы, то призываю тебя спокойно слушать об Иисусе, о котором ты сказал, что он из одного со мной колена.

Как мы знаем от предков, он был — с другими четырьмя братьями — Иаковом, Иосией, Симоном и Иудой — сыном плотника Иосифа и Марии, который, ходя повсюду, убедил великое множество сбитого с пути народа присоединиться к нему и следовать за ним. Он ложно выставлял себя сыном Божиим, хотя всем было известно, что он сын Иосифа, воображал, что сошел с неба, и обещал, что те, кто предпочтут послушаться его и следовать за ним, никогда не пойдут во тьму. И что всего поразительнее: не имея сорока лет от роду, заявлял, что был еще до рождения Авраама! Так вот, отцы наши, не вытерпев, слыша толикую ложь, собрались и предали его позорной смерти, пригвоздив к поперечному брусу. Вы же, сыны идолопоклонников, конечно, не в состоянии ясно увидеть истину; как же иначе возможно было бы счесть его бестелесным, неосязаемым и непостижимым для ума Богом! Пусть бы вы в том только безрассудно ошиблись, что восприняли и почтили его как Бога, но вы и орудию наказания — кресту, на котором он был распят и умер, — столь почтительно поклоняетесь, называя его «спасительным» и другими почетнейшими из названий!

Пожалуй, будет пустословием обсуждать сейчас ваши бессмысленнейшие выдумки о нем, каковыми именно является и то, что он воскресил себя, тогда как *его тело* украли ученики, разрыв ночью гроб, в котором он был похоронен, и его посмертное вознесение на небеса, тогда как он себя даже не смог избавить от самой мучительной и позорнейшей из всех смертей и покончил счеты с жизнью как один из злодеев, которые были распяты вместе с ним.

И м п е р а т о р:

— О пророках, Ксен, какое у тебя мнение? Верить ли ты, что их речения были божественными и что они ничего не говорили от себя, но только то, что возвещал, говоря в них, Бог? Или ты думаешь об этом как-нибудь иначе?

К с е н:

— Конечно же я никогда не скажу иначе. Ведь если бы я подумал, что их прорицания не от Бога, я сам бы себя счел изменником и, по словице, был бы связан собственными узами. Ибо если не допустить, что это так, то тотчас же исчезнет из нашей веры все святое, и никогда мы не признаем данные нам через Моисея скрижали божественными.

И м п е р а т о р:

— Замечательно по истине и по верности расчета. Следовательно, если изречения пророков остаются в силе, то ваши древние отцы были, согласно Исайе, слепыми и глухими, ибо, говорит он, «глаза имея, не видят и, уши имея, не слышат» (ср.: Исайя, 43, 8). И это он сказал не о чувственных глазах и ушах, а о душевных чувствах. Иначе, если бы у них были повреждены телесные чувства, разве казалось бы, что они поступают неправильно? П потому нет у них отговорки в их грехе.

В самом деле, в какой утонченной защите преуспели бы они, когда, видя каждый день совершаемые Христом чудеса, — т. е. прокаженных — очищенными, хромых — вскакивающими, иссохших — исцеленными, несчастно родившихся слепыми — зрячими, расслабленных — окрепшими, и что более и божественнее всего: мертвых — стряхивающими смерть как сон, — а также слыша глаголы вечной жизни, чего ради и Давид воспевал благодать, разлившуюся в его устах, не только из-за всего этого не потянулись к его знанию и не извлекли для себя хоть какой-нибудь маленькой пользы, но, заткнув уши подобно глухому аспиду, что ни день не прекращали распалаться главным образом для убийства того, кто их благодетельствовал.

Итак, если мы взяли за основу, с чем согласны и вы, что слова пророков божественны, то как те, о ком возведено от Бога, что ум их слеп и глух, могли бы правильно усвоить истину, пока спесь и злоба владеют их душами? Если же оказывается бесспорным, что таковы предводители многих, которым доверено руководство другими, лица, призванные учить, то возможно ли, чтобы основная масса тех, кто идет за ними, не оказалась настроенной еще хуже, чем они, не впала в еще большее заблуждение и не сделалась слепа к свету истины? Ибо слепому невозможно от слепого узнать о сиянии солнца, ни также глухому от другого такого же выучиться грамоте. Ты ведь сам выше заявил, что вы от отцов ваших научились истине. От каких же? От избличенных Богом, что они слепы и глухи? Но истина яснейшим образом утверждает, что если слепой поведет слепого, оба упадут в яму (Матф., 15, 14).

Если бы, однако, они были только перед самими собой виноваты в бедах, добровольно самих себя сбрасывая в пропасть уничтожения, это было бы делом невежества, а потому и суд им был бы более мягким. Но так как они оказываются повинны в страшной из смертей столь великого множества душ, то какую же казнь сочтет всякий подходящей для них, какой преисподней, какого огня они не заслуживают?

К с е н:

— То, что слова Исаяи не *Божьи* глаголы, трудно мне было бы доказывать; и я скажу лучше, что они относятся не к учению, но к множеству согрешений. Ибо те, кто не обращает внимания на Божьи повеления и не ищет добродетели, но разнузданно предается неумеренным наслаждениям, не без оснований могут быть названы слепыми и глухими, если только не еще худшими.